

**САША ПУШКИН,
КАК ТЫ БЫЛ
НЕПРАВ!**

КАТАЛИНА СПИКА

18+

Каталина Спика

Саша Пушкин, как ты был неправ!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73299418

SelfPub; 2026

Аннотация

Действие происходит в двух мирах. В одном Агния переживает развод и долгую продажу дома из-за мужа-алкоголика. Дом загажен экскрементами ляров.

В другой Вселенной домовой Ванечка старается помочь своей хозяйке. Он находит дом, который занят древним чародеем, ставшим свидетелем истинной истории Руслана и Людмилы и затаившим личную обиду на А.С.Пушкина. Домовой просит позволить им поселиться в его доме. Поначалу чародей холоден к просьбе, но встреча с Агнией заставляет переменить мнение. Он готов не только впустить их в свою обитель, но и предлагает помощь, раскрывая колдовскую тайну мужа-алкоголика.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Каталина Спика

Саша Пушкин, как ты был неправ!

Все персонажи и события являются вымышленными. Любое сходство с реальными лицами или именами – случайное совпадение. Автор не несет ответственности за интерпретацию магических практик, описанных в тексте.

ГЛАВА 1

– Дети! Дети! Мальчик! Мальчик! – визгливый женский голос, словно металлом по стеклу, проскрёб предрассветную тишину.

Ванечку передёрнуло. Он занырнул с головой под одеяло, пытаясь сохранить блаженное состояние сна.

– Дети! Дети! Мальчи-и-ик! – звуковая попытка повторилась.

– Тьфу ты, чёртова баба! – он плотнее прижал подушку к ушам.

«Мальчиком» соседка называла кривоногого рыжего пса с деформированным прикусом. А «детьми» – своих куриц, когда созывала их на кормёжку. Бестолковые создания со всех ног бежали к своей опекунше, даже не подозревая, что спустя время она чётким взмахом тесака казнит большую их

часть.

– Дени-ис! Денис, твою мать! – рявкнул её голос за окном уже более грозным тоном.

Так она звала своего единственного сына, который уныло и флегматично терпел истошные вопли мамыши.

Ванечка, возвращаясь в блаженную негу сна, обречённо подумал: «Чтоб ты мороженого объелась, дура крикливая, – может, хоть тогда орать перестанешь. Да и голос какой же противный...»

Ванечка – он же Иван Иванович – был домовым из донских земель и путешествовал за своей хозяйкой по городам и весям. И вот только лет двадцать пять назад они приобрели свой двухэтажный «угол» почти в двести квадратных метров. Держать дом в исправном состоянии было его прямой обязанностью. А ещё – беречь от заселения нежитью и прочей пакостью, потому как люди – существа временные, а дома при должном уходе живут гораздо дольше.

Кто-то дробно забарабанил по стеклу.

– Да чтоб тебя лихоманка затрясла! – он свернулся калачиком и накрыл голову подушкой.

Тихонько приоткрылась оконная створка, и в комнату втекла полосатая кошка.

– Ваня, Вань! Ты что, спишь, да? Вань... Ох ты! Лапоньки кошачьи, хвостики стоячие!¹ Ваня, беда! – она принялась толкать домового в спину.

¹ Каталина Спика, «Саша Пушкин, как ты был неправ!»

Тот сел на край кровати, ещё не открывая глаз. Его чёрные волосы и густая борода, тронутые первой сединой, были всклокочены. Кошка невесомо запрыгнула ему на плечо и лапой повернула его лицо в сторону «беды».

– Да открой же ты глаза, байбак нерадивый! – рявкнула она прямо в ухо.

– Да встал я уже, встал, – Ванечка резко вскочил на ноги и сразу угодил в вязкую жижу, растекавшуюся по дощатому полу.

– Сто чертей тебе в дышло, ирод окаянный, опять загадил весь дом! – досадливо прошипел он, глядя на пузырящуюся гниль.

Пришлось на пятках перемещаться к рукомоёйнику, чтобы отмыть прилипшую пакость и переобуться в стоптанные чувяки.

– Что, опять запил? – участливо спросила кошка, зная, до какого свинского состояния нажирался бывший муж хозяйки.

– Пасочка, хоть ты душу не тереби, – укорил домовой, оглядывая объём работы.

– Вань, а ты соличкой присыпь – и дело с концом, – раздавала советы гостя, сидя на высоком шкафу под самым потолком.

– Ты издеваешься? Вот выгоню тебя к чертям кошачьим – и поминай как звали!

Всё дело в том, что домовые духи – от земли, и любое со-

прикосновение с солью причиняет им физическую боль, выжигая их так же, как соль выжигает почву, делая её бесплодной.

Пасочка демонстративно отвернулась:

– Если бы не я, тут бы всё уже этой гадостью покрылось.

Но Иван Иванович не обращал внимания на её бубнёж. Стоя перед своим скарбом, он прикидывал, что может пригодиться для уборки. На открытых полках в берестяных коробах хранились травы, в холщовых мешочках – корни, а в глиняных кринках – только ему ведомые снадобья. Всё это было подписано и выровнено по ранжиру. С закрытыми глазами, по одному запаху, он мог определить не только название травы, но и место, и время сбора. Однако аккуратно прописанные бирки вносили красоту и порядок в эти стройные ряды.

С тех пор как в доме пошёл разлад, дел у домового прибавилось. Из-за непрекращающихся скандалов, бесконечных упрёков и ежедневной матерной брани дом стал хиреть: в нём постоянно что-то ломалось, протекало и перегорало. А ещё – плесневело как-то особенно мерзко.

Его работа – не давать стенам впитать всё, что они слышали. Ведь это только кажется, что стены мощные и крепкие. На самом деле они пористые, и если заполняются мерзким ором скандалов, то становятся похлеще атомного реактора. А люди потом удивляются, откуда берутся болезни. Навивные.

«Кабы люди видели это, – мрачно думал Иван Иванович, глядя на липкий налёт в углу, – они бы не с тряпками бегали и не со святой водой, а просто затыкались бы вовремя, чтобы не блевать друг в друга гнусными словами».

– Чертополох бери! – прилетело со шкафа.

– Сам решу, – буркнул он в ответ.

– Что?

– Сам решу-у-у...

– Да что ты там решишь? – перепрыгивая со шкафа на полку, нетерпеливо проговорила Пасочка. Она пошла по рядам, тыча носом в нужные пучки. – Головки чертополоха, зверобой, адамову голову...

Иван Иванович не торопился сдаваться:

– А с чего ты решила, что только мужские травы нужны?

– Ты же не знаешь, что в людской прослойке происходит. А я путешествую между мирами, – съязвила она. – Раз мужик порченый, травы должны быть мужские.

Ванечка в ответ только скривился, молча передразнивая тон советчицы, но не мог не согласиться. У кошек действительно есть врождённый дар просачиваться сквозь миры, они чётко видят суть событий. Домовые же в своём измерении воспринимают лишь энергетические сгустки разной светимости. Даже травы для них – не зелёные веточки, а клубочки пульсирующей энергии.

Но Ванечке нравилось очеловечивать своё пространство, поэтому в его доме было «всё как у людей»: ровные выбелен-

ные стены, пол из сосновых досок, кровать возле окна и гордость хозяина – печка. Она была проекцией хозяйской плиты, её магическим сердцем и главной отрадой домового.

Перенюхав и проверив сухоцветы, Ванечка ссыпал их в каменную ступку и стал тщательно толочь пестиком до однородности. Время от времени он захватывал щепотку травяной пыли и перетирал между пальцами, определяя готовность. Взяв горсть смеси, он просыпал её по контуру сочащейся жижи. Края субстанции тут же стянулись к центру, будто отползая от границ пятна. Ванечка невесомым порошком просеял остатки трав над всем липким следом. Тут началось невероятное. Гниль забилась словно ошпаренная кипятком. Она металась из стороны в сторону, лихорадочно выискивая, где бы укрыться, а магическая пыль всё сыпалась и сыпалась, пока не смешалась с обожжёнными лохмотьями скверны.

– Чистая работа, – похвалила Пасочка. – Смести надо. Лучше ветками чертополоха.

– А вот и нет! – возликовал домовый. – Я сейчас это всё в шерстяную кудель соберу, а потом пристрою куда надо.

– Так, это без меня! – увернулась Пасочка. – Мне ещё зимовать, а ты сейчас всю шерсть вычешешь.

– Охолонь, есть что посильнее твоего подшёрстка.

Иван Иванович вынул из короба клочок странно пахнущей шерсти. Пасочку передёрнуло.

– Волк? Ты когда успел волчину обобрать?

– Не обобрать – а по наследству досталось ещё от прошло-
векового сородича.

– А как же он расстался с таким богатством? – искренне
удивилась кошка.

– Это как кому свезёт, – щегольнул Ванечка. – Сняла моя
Хозяйка старую хату для временного жилья, а там забытый
домовой уже почти полностью уснул. Хозяева давно умерли,
внуки его не помнили – вот он и ослаб. Однако договор я
успел с ним заключить: он мне все свои знания и запасы, а
я его в свою домовую книгу как родича вписал и поминаю
в назначенный срок.

Он раскошлатил волчью шерсть и, легонечко подув, пу-
стил её на сожжённое пятно. Клок начал крутиться-вертеть-
ся, собирая на себя ошмётки гари. Он «кублился», пока не
вобрал всё до последней крошки: увеличился в размерах, из-
менил цвет, потяжелел и стал выглядеть как-то угрожающе.

– Куда его теперь? Сожжёшь? – поинтересовалась кошка.

– Да ты что, с глузду съехала? По углам участка прикопаю,
на защиту поставлю.

– Так бы и сказал, зачем хамить-то сразу! – обиделась Па-
сочка.

Она запрыгнула на печку и принялась усиленно намывать-
ся. Иван Иванович усмехнулся в усы: он знал, что его на-
персница отходчивая и позже, конечно, сменит гнев на ми-
лость. Но пока нужно было, чтобы она помолчала и не лезла
под руку.

Ванечка подошёл к печи и открыл заслонку.

Позже он обметал все углы и закутки можжевельными прутьями, наматывая на них едва уловимые чёрные волокна. Каждая использованная ветка летела в топку. Так, медленно и уверенно, он вычистил всё до последнего лоскутика. Теперь нужен был «закреп».

Ванечка взял миску, налил воды «непитой» – дождевой, достал крыло гусиное и пошёл посолонь углы, окна, стены да пороги обмахивать. Обмахивать да приговаривать:

*«Стенам светлым век стоять, полам чистым век лежать, скверне в дом мой не пройти, оморочу ей пути. Взмахну белым я крылом — хворь покинет этот дом».*²

И так по кругу семь раз кряду. Огляделся: всё ли промёл, везде ли прошёл? Понёс и крыло на сожжение – негоже оставлять его после такой работы. После того как перья занялись пламенем, подкинул осиновою дровеньку, чтобы печку почистить, иначе еду готовить было бы нельзя.

Запах палёных перьев сменился густым пряным духом свежего сена. Иван Иванович ещё раз омылся, утёрся вышитым рушником, переделся в чистую рубаху, втиснулся в стёганую фуфайку и стал накрывать на стол – к чаю с травами и мёдом.

– Пасочка, ну прости ты меня за грубые слова. Откушай со мной, спасительница моя.

Пасочка зыркнула на него шафрановыми глазищами и в

² Каталина Спика, «Саша Пушкин, как ты был неправ!»

один прыжок оказалась на стуле за накрытым столом.

ГЛАВА 2

Агния отложила пышный, хорошо подрумяненный блинок в фарфоровую тарелку и, смазав его мёдом, прошептала.

– Хозяин-батюшка, приходи на моё угощение. Тебе на радость, дому на благодать. Дом продать помощи, покупателей найди, чтобы дом мой берегли и любили, а тебя я на новое место перевезу. Как не раз уже делала. Выручай, хозяин-батюшка. Откушай молока, мёда.

Это была давно заведённая традиция: первый блин она откладывала в память предков, а последним кормила домового. «Последыш» получался иногда такой замысловатой формы, что впору было делать на нём предсказания. Но этот вышел просто замечательным.

«А вот что делать с оставшимися?» – Агния присела перед тарелкой свежеиспечённых блинов. Внезапное чувство тоски заполнило всё её нутро.

– Для чего всё это? Кому всё это? – мысли всплывали, как кляксы на промокашке. – Дети разъехались, с мужем развод... А я блины пеку...

Пыталась плакать – не получилось. Пыталась жалеть себя – становилось ещё хуже. Лишь недавно она смирилась с мыслью, что раздел имущества неизбежен, дом вот уже год как выставлен на продажу. В сознании, подобно мулете матадора, взметнулся алый баннер с издевательской надписью

«Продаётся». И висел он на её, её собственном заборе.

От этой мысли стало до слёз больно. В голове даже всплыл «стишок-пирожок»:

«Бывало, хочется поплакать,
уткнувшись в чьё-нибудь плечо,
и тут внезапно понимаешь,
что нет уже ни плеч, ни слёз».³

Конечно, хотелось верить, что всё, что ни делается – к лучшему, что после сорока жизнь только начинается, а планеты встали так, чтобы отпустить старое ради нового. Но реальность была трагичнее цитат из женских пабликов.

Человек, с которым она прожила более двадцати лет, вдруг стал остервенело злобным и саркастичным. На любое её высказывание у него появлялось странное выражение лица: прищуренный взгляд, сморщенный нос и искривлённые губы. Когда она впервые это увидела, подумала – показалось. Не может так смотреть родной и близкий человек. Оказалось – может. Это была ничем не прикрытая брезгливость. Как говорилось в одном сериале: «Если вы увидели такое выражение на лице партнёра – отношениям конец».

Пока она с маниакальным упорством пыталась понять, что происходит, размеренный уклад жизни рушился с невероятной скоростью. Агния подлавливала момент, старалась поговорить, однако любой начатый разговор переходил в неистовый ор с упрёками и оскорблениями. А через час

³ Дмитрий Эпитет, «Бывало, хочется поплакать...»

как ни в чём не бывало он заглядывал ей в глаза и дружелюбным тоном интересовался: «Как там дети?». От вопроса «почему это происходит именно со мной» уже физически тошнило. Врождённое чувство юмора подсказывало: «Это потому, что ты в детстве не всем друзьям письма счастья отправляла...» А если серьёзно, ответ был по-дебильному прост: «Потому что». Без причин, без высшего смысла. Просто отношениям конец.

Как будто и не было между ними двадцати лет счастливой жизни. Красивой любви с розами и тайными встречами. Упоительной веры, что они проживут долго и счастливо, вырастят детей и будут рассказывать внукам, как веселились, выдумывая под Новый год семейные традиции. Например, украшать потолок конфетами на леске. Или закапывать «клады» в саду, чтобы именинник отыскал их по нарисованному плану. Всё испарилось.

Агния и раньше знала, что её муженёк из пьющих «ходоков-колобков»: от Танюши он ушёл, от Любаши ушёл... Вот и от Агньюши «лыжи намылил». За двадцать лет совместной жизни он хоть и отдавал дань Бахусу с завидным постоянством, но в изменах замечен не был. Может, потому что некогда было? Совместное дело, всегда друг у друга на виду. Потом бизнес закрыли, и партнёр – он же муж – ушёл на самостоятельные заработки. Появились «кровно заработанные» деньги, которыми делиться не хотелось, тем более с семьёй.

В их образцово-показательной ячейке общества назревала революционная ситуация: самоназначенный лидер решил, что пора проводить радикальную ротацию кадров. И провёл.

Нашёл разухабистую бизнес-вумен с проблемным сыном и больной дочерью. Презентовал себя со всех ракурсов как «мужчину в полном расцвете сил, прозябающего под игом жены-нахлебницы». Новая пассия обомлела от такой все-ленской несправедливости и согласилась принять женатого мужчину под опеку. Скрепила она этот союз предварительным звонком жене и, вусмерть пьяным голосом, задала сакраментальный вопрос:

– Ну зачем он тебе?.. Отпусти... Ты красивая, ещё найдёшь...

Что ж, посыл любовницы Агния оценила и отпустила его с миром. А вот насчёт «ещё найдёшь» её передёрнуло: даже в страшном сне она не представляла, что к ней прикоснётся кто-то другой – чужой.

«Скиталец» вернулся через месяц. Сменив высокомерную брезгливость на латентную злобу, он заявил: из своего дома больше никуда не пойдёт. Отвергнув семейные устои, бывший перешёл в стан анархистов-бунтарей и с удвоенной силой стал заливать горькой крах своих иллюзий. Оказавшись на привычной территории и подпитываемый алкогольным задором, он превратил жизнь домочадцев в аттракцион абсурда: с бесконечными запоями, белой горячкой, визитами участковых и дежурством «скорой». Некогда достойный,

интеллигентный дом на глазах превращался в грязный проходной двор.

Жизнь замкнулась в порочную карусель: скандал – запой – похмелье. Агния сочувствовала: спасала, уговаривала, прокапывала, содрогалась от клейма «созависимая». А потом поняла: если нет сил остановить карусель, нужно просто сойти с неё, пусть даже на полном ходу.

Подала на развод. На какой-то период «болящий» даже протрезвел и взялся за работу, но нервы мотать не перестал. На предложение продать дом отреагировал равнодушно: «Тебе надо – ты и продавай».

Продать любимое детище, когда в одной из комнат обосновался запойный организм, превративший жильё в помойку, казалось невозможным.

Время шло, покупателей не было. Звонки от риелторов пугали, вызывая паническую атаку: как можно показать дом, который насквозь пропитан запахом мочи и перегара?

Она ставила рекорды по скоростному отмыванию полов хлоркой, изводила упаковками освежители воздуха, врала про «больного дедушку», комнату которого пока показать не может. Покупатели понимающе кивали, культурно прощались и больше не перезванивали.

Отчаяние с садистским наслаждением топтало надежду на хоть какое-то светлое будущее, превращая её жизнь в бесконечный «день сурка».

ГЛАВА 3

В чайную церемонию домового и кошки дерзко ворвался аромат свежей выпечки. Пасочка, первой учуяв вкуснятину, взвилась вверх с азартным криком:

– Чур, мне блин!

И ловко, в акробатическом прыжке, она перехватила только что материализовавшееся в воздухе подношение. Но в этот же миг до слуха донёлся уставший, надломленный и бесконечно тоскливый голос хозяйки. Это был не просто вздох – это был безмолвный призыв о помощи, от которого по углам поползли холодные тени. Пасочка от неожиданности пролетела мимо блина, на мгновение зависла в воздухе, словно потеряв опору, и грузно плюхнулась на пол.

– Ваня, это что было? – Кошка растерянно посмотрела на напарника, даже не взглянув на упавшее рядом лакомство. – Агнюшин призыв?

Домовой опешил. На его долгом веку такое случилось впервые. Агния Николаевна всегда была женщиной жизне-радостной, волевой и целеустремлённой. Любые проблемы она привыкла встречать с открытым забралом и решать их сама: где тяжёлым трудом, где ангельским терпением, а где и своими звонкими песнями.

Песни... Вдруг Ванечка осознал страшную вещь: он давненько не слышал, как она поёт. А ведь раньше, как только она распоеётся, голос её, словно пуховый платок, всё пространство вокруг укрывал. Мягкий, ажурный, тёплый – он

каждый уголок дома согревал, каждую трещинку в кирпичной кладке и в человеческой душе латал. Словно окутывала она этим платком всё живое, защищая от сквозняков мира. Живым был дом под этот голос, дышал в унисон с хозяйкой. Как же он, древний хранитель, не заметил, когда в этих стенах воцарилась эта мертвая, ватная тишина?

– Это всё этот Аспид пришлый... – Ванечка зло сплюнул. – Всю семью свою разрушил – бросил жену и дочь, а теперь и здесь гадит. Агнюше голову заморочил, «люблю – не могу», от первого мужа увёл.

Прежний-то её муж был хозяин так себе, больше на службе пропадал. Дома его почти и не было. В редкие выходные больше праздновал, чем по дому помогал. Агнюша его понимала, сама в семье военного выросла. Поэтому по дому справлялась сама. И детей тоже сама воспитывала. Тяжко ей бывало, но песни петь не переставала. В них была её опора, её истинная суть.

Одинокая слеза прочертила невидимый след по морщинистой щеке домового.

– Вань, ты что, плачешь? Вань? – Пасочка перебралась к нему на колени, пытаясь заглянуть в его затуманенные глаза.

– Да как я, старый дурак, мог не заметить, как страдает моя Хозяюшка...

– Ну что ты... – старалась успокоить его кошка, прижимаясь тёплым боком. – Никакой ты не старый. Я-то думала, ты знаешь, что там этот... запойный... чёрное творит.

– Откуда?! – Ванечка поднял на неё тяжёлый взгляд. – Я сам какой-то рассеянный в последнее время. Почищу дом – и снова спать охота. Сил – на доньшке, едва на обход хватает. Такой пакости, как сегодня, я вообще никогда не видал. Агнюша-то меня исправно кормит, не жалуется... Вот я и думал – справляется она. А она молчит.

Символическое подношение домовому – это ведь не просто еда. Это добровольный пакт о содружестве между мирами. Обычно люди оставляли выпечку, каши или сладости; очень хорошо принималось молочное или кисели. Чем больше было в доме уважения, тем добротнее становился домовый, и сил у него для помощи было поболее. «Суседко» – так ласково называли их в старину, и домовые с великой радостью помогали по хозяйству, храня мир и лад в каждой комнате.

Но наступил чёрный период, когда их, исконных хранителей, переименовали в каких-то «барабашек». Хрен пойми, что это значит на их языке, но подношения стали выглядеть как унижительная подачка, брошенная второпях какому-то убогому калеке. Откуда-то повелось закладывать чёрствое печенье или конфеты за шкаф, где они обрастали пылью. Кто-то умудрялся наливать молоко прямо в кошачью миску, а кто-то и вовсе считал, что оставленные на столе грязные крошки или объедки – вполне достойный гостинец.

Человеческое скудоумие доводило до отчаяния весь их домовский род. Но деваться было некуда: без людей дома

долго не живут, превращаясь в холодные склепы, а домовые, лишённые человеческой заботы, впадают в спячку.

Ивану Ивановичу в этом плане повезло с хозяйкой – Агнюша его почитала, знала традиции и даже именины ему каждый год 10 февраля справляла. Поэтому Иван Иванович имел вид вполне достойный, крепкий и ухоженный. Верой и правдой служил он ей долгое время. Как начала она жить отдельно от родителей, так он и перешёл к ней на службу, «отпочковавшись» от материнского домового.

В каких только жилищах они за эти годы не побывали! Возила она его с собой и по холодным съёмным времянкам, и по тесным общежитиям, и по чужим домам. И везде они создавали свой мир. Вот только они на одном месте осели, обжились, начали добром прирастать – и такой разлад. «Дом – продать, имущество – поделить. Жить порознь».

За себя Иван Иванович не боялся – знал, что его Агнюшенька с собой заберёт, не бросит. Вот только с такой заботой выстроенный дом тяжело было отдавать в чужие руки. Выгнать «упыря»? Не уйдет он просто так, это и его дом тоже. Самой уехать и бросить всё? Этот ирод по пьянке такое натворит, что и продавать скоро будет нечего. Продать же дом, как видно, тоже непросто. Да и самим им куда потом деться? Где ещё в этом шумном мире найти такое место заветное, чтобы ещё полвека прожить в светлом уме и трезвой памяти?

Мысли неслись галопом, пока Иван Иванович отсутству-

ющим взглядом уставился в пустоту перед собой. Пасочка молчала, лишь мерно перебирала лапами у него на коленях и тихонечко, успокаивающе мурчала.

– Вань, очнись, у меня уже лапы болят. Ты как? – морда кошки всплыла прямо перед глазами домового.

Он не сразу ответил. Вечер перестал быть томным с того самого мгновения, как он услышал эту жгучую горечь в голосе хозяйки. Вот она – беда, беда настоящая, бедовая.

– Ваня-яя! Ты меня слышишь? – она требовательно лизнула его в нос.

– Слышу, – голос домового был тяжёлым и глухим, словно доносился из колодца.

– Что делать будем?

– Погодь, не до тебя сейчас.

– Зря ты, Вань, так со мной. Потом извиняться будешь – не прощу, обижусь.

Ванечка решительно сгрёб кошку в охапку и затолкал к себе за пазуху.

– Сиди тихо.

– Угу, – морда кошки под бородой домового забавно высовывалась наружу, зорко наблюдая за происходящим.

Иван Иванович подошёл к заветным полкам, потянулся за маленькой резной шкатулкой. Там он бережно хранил подаренную когда-то прадедом трубку и табак.

– Вань, ты что, куришь? – не удержалась Пасочка.

– Ты тоже сейчас закуришь, – отрезал он, – или иди гуляй.

Кошка моментально поглубже забила под рубашку.

– Эх, давненько я тебя не видывал, – проговорил домовый, ласково оглаживая старое дерево трубки. Погрел в ладонях, продул изнутри и, захватив щепоть табака, начал набивать. Делал это размеренно, без суеты.

– Вань, а что делать-то будем? – раздался голос из «утробы».

– Новый дом искать.

– Так за какие шиши?

– Да я только местечко присмотрю.

– Этот ещё не продали, а может, и не продадим, – резонно заметила Пасочка.

– Эх ты, животина хвостатая, нет в тебе веры. Хоть на гречишное зерно...

И замолчал. Место себе новое, обжитое искал в мыслях. Да так хотел найти, чтобы было оно на виду – и никто не видел, пока сама Хозяйка не пожелает. Чтобы силой было наполнено, нечисть не подпускало. Чтобы яблонька с молодильными яблочками прижилась. Чтобы и вода живая, и мертвая неподалеку была. Чтобы дом добротный, с виду небольшой, но места в нём всем всегда хватало. Где он такое место сыщет, было ему невдомёк. Сейчас он чинно раскуривал трубку. Затянулся, выдохнул.

По комнате за клубился густой сизый дым. Пасочка вынырнула из своего убежища. Вдохнула, смачно чихнула и, затыкая нос лапами, проговорила:

– Ох, жопонька нам, Иванушка! Агнюша сегодня дома, сейчас её разматает твой табачок. Ах ты, лапки кошачьи, хвостики стоячьи, мы что, летим?

Ванечку накрыло невесомостью и радостью полёта. Чуть позже в сознание начали прорываться запахи резкие, дерзкие. Пары бензина, выхлопных газов, свежезакатанного асфальта. Потом потянуло костром, дешёвым алкоголем – от этого передёрнуло. Накрыло жжёной резиной. Приходилось уворачиваться от этих «захватчиков», чтобы настроиться на нечто неуловимое.

Подключилось видение: перед взглядом проносились не дома, а разноцветные выбросы энергии. Какие-то выглядели ровно, другие тянули вниз, третьи извергались ядовитыми оттенками. Всё казалось то пустым, то бездушным. «Своё насиженное «гнездовье» на такие завихренья менять – себя не уважать», – промелькнуло в мыслях.

Красиво смотрелось лишь кладбищенское поселение. Оно выглядело как тускло мерцающий ковёр. Зрелище портил только запах – землистый, бальзамический аромат тяжёлого покоя. Прямо покойного покоя. Собор и церковь выглядели монументально, энергетический столп был огорожен прозрачной стеной.

– Чур меня! – зачурался домовой.

Заброшенные места выглядели энергоёмкими. Матушка-природа заботилась о них, заполняя пустоту растительностью. Но самыми мрачными были места обитания алкашей

и наркоманов. Там обитали лярвы – сущности, питавшиеся бросовой энергией.

– Ах ты ж мать честная! – Ванечка присмотрелся. От лярв оставался тот самый мерзостный след, который домовый сегодня вычищал. – Так вот кого ты нам приволок, ирод! В рот тебе дышло!

Эйфория улетучилась.

– Люди, вы во что свои дома превратили? Силу разбазариваете, сидя в своих интернетах!

Но тут же себя одёрнул:

– Стыдись, «Белое перо», не в людях проблема. В каждой избушке свои домовушки, пусть присматривают. А ты принорвись и отыщи своё заветное место.

И точно. Через мгновение учуял свежую струйку аромата лесной земляники со мхом. Удивился лесному духу в обжитой округе. Поманило его, приласкало. Потерял след, посоветовал. Вспомнил про прелый папоротник в горах – отозвалось, поманило. Осторожно он последовал за ароматом и оказался в комнате, где сидел его «коллега по цеху» и внимательно читал книгу, делая пометки на полях.

ГЛАВА 4

Ждан Всеволодович был не простым домовым, вернее – он вообще не был домовым. То был былинный чародей, который уже пожилым мужем гостевал на пирах у киевского князя Владимира.

Именно при нём случилась история с Русланом и Людмилой, когда новоиспечённый муж проворонил свою невесту. Ждан мог бы вмешаться, помочь, так как прекрасно знал проделки Черномора, но не стал. Он видел, как гости провожали молодых в опочивальню, желали ими добра всякого. И стал кто-то Руслану дифирамбы петь, «елеем по губам водить». Остановился Руслан, на лесть повёлся, а Людмила одна в опочивальню ушла. Тут колдун и подоспел.

Эту историю чародей самолично рассказал молодому поэту, но мало того что юнец выставил его «монахом, который сохранил потомству верное приданье», так ещё и переврал весь рассказ, описав Финна как вещего старца.

Вещим-то он, может, и стал в последние двадцать лет ссылки, но с двадцати до семидесяти был одержим Наиной.

Смолоду этот бестолковый отрок не хотел обучаться ремёслам, а потому пошёл в пастухи, чтобы по лесам да дубравам гулять да за девками увиваться. Смазлив был, горяч. Сейчас бы сказали – харизматичный. От местных девиц ему отбоя не было, но нет же – прикипел к Наине.

Наина была чудо как хороша. Высокая, с белокурыми, с пепельным отливом волосами, глазами ледяного синего цвета, и сама словно из льда выточенная. Характер – прямой, как удар меча.

Вот тут-то нашего любовничка как подменили: измором её брал, подруг подсылал. Наина даже бровью не вела, потому как знала, что Финн – парень «удом ведённый», сколько

девок от него настрадалось! Не верила она его словам, да и в чародействе сама с малолетства была. Бабка её к ремеслу пристроила и беречь себя от плотских утех завещала, чтобы не растратить силу ведовскую. Она и в мыслях не имела завлекать Финна, сразу честно сказала: «Пастух, я не люблю тебя!».

Так что же Финн? Собрал толпу таких же безбашенных и пустился в грабёж – «делили дани и дары». Это Сашка Пушкин так всё красиво преподнёс: «бранной славы заслужить»... Не за свой край бился, не за Отчизну, а просто разбойничал.

Через десять лет вернулся опять к Наине со своей любовью и мошной. Опять давай перед ней токовать, золотом, жемчугом да кораллами награбленными хвастаться. Не подкупил гордую чародейку: «Герой, я не люблю тебя!». Ещё пуще охота в нём разыгралась, совсем помешан на ней стал.

Пошёл учиться в колдуны. Вот тут-то и пересеклись со Жданом их пути-дороженьки. Никто не хотел брать вояку-переростка, потому как был он самовлюблённым эгоистом. А Ждан – взял. Прельстился не на его золото и жемчуга, а на заветный ковчежец, который тому достался после дележа разбоя. Знания в нём тайные были сокрыты, про жизнь вечную – бесконечную. Финну-то невдомёк, что за сокровище ему, недоумку, в руки попало, что за сила великая в нём таится. На вид это был просто небольшой ларчик, выточенный из африканского чёрного дерева – гренадила.

Учеником он был бестолковым: что бы ни изучал – всё впустую, только привороты искал. Сорок лет коту под хвост! Сорок лет своей жизни потратил, лелея надежду обладать той, которая его отвергла.

Приворожил. Потом – бросил.

Наина ведунам на Финна пожаловалась. Того в ссылку за «преследования и магический террор над чародейкой» в пустынь отправили. Вот и занялся предсказаниями, поджидая Руслана.

Ждан же был наказан сам собою за свою непомерную жадность к знаниям. «Многие знания – многие печали» – точно было про него.

Заветный ковчежец дался чародею не сразу, в аккурат когда Финн свой приворот над Наиной творил. Ждан и не торопился, знал, что для всякого волшебства – своё время. Сам открылся ларчик, засветился светом лучистым изнутри и распахнулся, как орех треснутый. Душа возликовала от радости – вот оно, сокровище невиданное! Заглянул, а там – пёрышко и кусочек бересты. Только пёрышко то было с вещицей птицы Гамаюн, а береста – со священного ясеня Игд-расиль.

«Перо то черней пера ворона,
тоньше нити шелкопряда,
на ветру да колышется,
на ветру да свою песнь поёт».⁴

⁴ Каталина Спика, «Саша Пушкин, как ты был неправ!»

И кто напишет своё заветное желание кровью, у того оно исполнится. Заметался чародей, задумался. Пока сорок лет ждал, когда ковчежец откроется, многое передумал. Однако понимал: что хоть и пожил сто с лишнем лет, а оканчивать свой век немощным старцем не хотелось. Вот и вывел про жизнь долгую да молодую – не сосунком каким-то, а мужем пожилым, годков так шестидесяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.